

Эта проза — наш запас на будущее

Сергею Залыгину исполняется
восемьдесят пять лет

ских комедиях схвачено буквально "из воздуха" несколько существеннейших реалий новой русской действительности. То, что все мы в один прекрасный момент проснулись в другой стране, не могло не исказить непрерывность пространства и времени в прозе Сергея Залыгина. Видимо, критикам еще только предстоит оценить высокое мужество "старого русского", не замолчавшего тогда, когда многие его собратья по перу закрылись от мира многозначительной немотой. В сущности, Сергей Залыгин сегодня работает в условиях,

Он относится к тем писателям, чья проза уже в самый момент публикации распознавалась как классика. Есть неувимые признаки, по которым в пестром литературном потоке вдруг выделяешь вещь, обладающую особым внутренним объемом, запасом непрочитанности. Встреча с таким текстом для читателя — субъективно — подобна предвидению будущего.

Проза Сергея Залыгина и в больших, и в малых жанрах всегда большая. Она обладает общим внутренним пространством, и пространство это обширно. Кажется, что герои разных произведений — геологи, гидрографы, агрономы — общаются без ведома автора за рамками сюжета, а кто-то даже приходится друг другу дальней родней. Кажется, что в "Экологическом романе" где-то на заднем плане непременно есть потомки героев "Соленой пади", что они просто живут там независимо от того, нашлась или нет для них какая-нибудь сюжетная роль. На этом пространстве всегда оставались нетронутые автором "белые пятна" — возможности еще не написанных вещей, — и самое их существование порождало у читателя чувство безграничности литературы.

Основа зрелого Залыгина — положительное знание о мире, жизненный и научный опыт, пропущенный сквозь сильную оптику таланта. От Залыгина читатель знает, например, какого цвета вода в Ниле и в Енисее, а это совсем не такая малость, как может показаться. От него же читателю известно, как именно безличное советское государство "покоряло" природу, превращая нашу страну в прореху на человечестве. Проза Залыгина философична. Так, дерево видится писателю с корнями, а река — с истоками и устьем. Образ реки у Залыгина неисчерпаем: и потому, что писатель, "в миру" гидролог и гидротехник, многое знает о реках, и потому, что ему как художнику дано видеть значительность предмета как такового — сквозь все наслоения литературных символов. Река, как и человеческая жизнь, течет от начала к концу, но в каждой точке своей существует вся целиком. Река, как и человек, обладает памятью, она — данное человеку повседневно соединение пространства и времени в единый поток. Еще один чисто "залыгинский" комплекс образов — арктическая природа, где нет ничего лишнего и ничего случайного. Важно то, что Залыгин-психолог и Залыгин-пейзажист никогда не существовали по отдельности: природа для любимых его героев — предмет изучения и труда, а пейзаж — вместилище души.

Сегодня наряду со "зрелым Залыгиным" существует в литературе и "поздний Залыгин". За последние годы из-под пера писателя вышло несколько небольших, ироничных, неровных и нервных вещей ("Уроки правнука Вовки", "Государственная тайна", "Предисловие", "Клуб вольных долгожителей"). В этих пессимистиче-

экстремальных для самой природы его таланта. Исчезло то состояние, с которого по определению видится большое явление, а время раздробилось на "прекрасные моменты". Однако проза Залыгина, всегда нуждавшаяся во временных и пространственных перспективах, сумела перегруппироваться и буквально увидеть жизнь лицом к лицу. Это не каждому дано — не только в силу дарования или отсутствия такового, но и в силу чисто человеческих качеств пишущего.

Пунктирно можно обозначить несколько ключевых и самых емких образов "позднего Залыгина". Радиоактивная Припять, чьи берега, обремененные обильной, как бред, гипертрофированной жизнью, напоминают рай, то есть загробный мир. Стариковский клуб самоубийц как форма защиты от насильственно изменившейся действительности — действительности, настолько разошедшейся с природными законами, что естественная смерть теперь воспринимается стариками как насилие над личностью. Но, может быть, наивысшим достижением этой новой прозы "старого русского" стал образ правнука Вовки, чья психология оказалась податливым слепком с окружающего нас дробного, частичного мира. В сознании этого подростка события реальности существуют как отдельные хепенинги, эпизоды без причинно-следственных связей. Один приятель Вовки заработал триста баксов, стоя на стреме, пока крутые ребята за углом проворачивали какие-то прибыльные дела. Крутые дали ребенку аппаратик, и ему при виде милицмейской машины следовало всего-то подать нанимателям радиосигнал. В понимании правнука Вовки его приятель не помогал бандитам, а именно нажимал на кнопку. Вовке хочется свободы, то есть полной отдельности от прочих людей: чужие чувства, мысли, опыт для него не существуют. Прадед его Юрий Юрьевич, интеллигент хорошей русской формации, мечтает, как по почте, отправить самого себя в XXI век. Он надеется, что память правнука сохранит его образ — пусть искаженный, пусть карикатурный, но сохранит. Только надежда эта напрасна: если и останется в Вовкином сознании какой-то блеклый старик, то никогда этот "частичный" человек не свяжет память о деде со своим реальным сегодняшним днем, не почувствует себя ветвью семейного дерева. Будущее начинается сегодня, а кончается завтра — вот урок правнука Вовки, который всем нам предстоит затвердить.

Запас непрочитанности в произведениях "позднего Залыгина" очень велик. Наверняка, помимо пессимистической иронии, видной читателю сегодня и сейчас, в них имеются и рудные залежи оптимизма, которые еще только предстоит разработать. Вообще весь корпус произведений Залыгина (хотелось бы надеяться, что он еще не полон) — это наш запас на будущее. В общем-то, не требовалось никакого юбилея, чтобы называть эти произведения классикой.

Ольга СЛАВНИКОВА